

Кинорежиссер Алексей Габрилович, писатель Андрей Губин. Здесь они на 4-м курсе ВГИКа. Работают в соавторстве над учебным документальным фильмом. Обоих уже нет с нами.

Его музой была доброта
Вег. Москва. 1995. - 28 окт. - с. 6.

Размышления о судьбе

Умер кинодраматург, режиссер Алексей Габрилович, Алеша. Последний раз я его видела два года назад на юбилейном вечере нашего института, ВГИКа, в Центральном Доме кинематографистов. Ревела никому не нужная музыка, толчая смазывала лица. Он подошел и сказал: «Спасибо за статью. Ты очень хорошо написала». Он говорил о публикации в «Вечернем клубе», посвященной его нашумевшему фильму «Мой друг – стукач».

Его имя стало широко известным после выхода на телеэкраны своеобразного документального сериала: «Цирк нашего детства», «Футбол нашего детства», «Кино нашего детства», «Дворы нашего детства». У меня звучит в ушах его голос, обращенный к героям его лент, к зрителям у телеэкрана, негромкий, без эмоционального нажима. Однако способный поднять на поверхность забытые боли, надежды, восторги.

— Как тебе удастся разговорить твоих героев? Перед камерой они раскрываются, как перед исповедником, радуются, плачут... — спрашивала я.

— Удастся... — не выдавал он своего секрета.

Фильмы-воспоминания, повесть о детстве шестидесятников, тонкие, щемящие, практически единодушно были приняты зрителями и критикой. Лента «Мой друг – стукач» стоит в их ряду особняком. Он — о нашем однокурснике, Диме, юноше несравненной физической красоты, большой литературной одаренности, глубокого интеллекта, который в минуту малодушия согласился стать осведомителем КГБ, поплатившись за это саморазрушением. Алеша показал спившегося, больного, у последней черты человека. «Димка, ты скоро умрешь», — предупреждал он в фильме своего героя.

Я написала тогда в статье о нашем поколении: «Одни цинично поперли по номенклатурной лестнице, другие, только отчасти успев состояться как художники, ушли из жизни... А у тех, кто еще живы, даже если внешне их лики благополучны, как у Алеша Габриловича, внутри, спрятанное от всех, вот оно, Димино лицо. Ни единой прежней черты, ни воспоминания о светлой победной красоте. Дима — вот лицо моего поколения, лицо шестидесятников».

Многие приняли в штыки фильм «Мой друг – стукач». Алешу упрекали, в частности, в том, что, воспользовавшись душевной слабостью Димы, он выставил напоказ перед всем миром опустившегося друга. Могу засвидетельствовать, поговорив с ними обоими: это не так. Подобные упреки с самого начала мне не приходили в голову. Фильм не оставляет сомнения, что через судьбу Димы А. Габрилович рассказывал о себе, обо всех нас.

Снова вспоминаю идущий с экрана сдавленный голос Алеша: «Я такой же, как ты. На что ушла наша жизнь, на чепуху, на черт знает что...»

Меня преследует воображаемая картина: уходит поезд нашего поколения. Мои сверстники стоят на задней площадке последнего вагона, машут руками тем, что остались на бурлящем вокзале. Некоторые даже пытаются еще что-то крикнуть. Но расстояние быстро увеличивается. И крикнуть так, чтоб услышали, уже нету сил.

Алеша успел. Его голос был услышан. Но при этом он прошел через глубокие нравственные страдания. Их отголосок прорвался в фильме «Дворы нашего детства». То, что нам, его однокурсникам, могло казаться подарком судьбы — быть сыном советского кинодраматурга номер один Евгения Габриловича, — на самом деле являлось суровым испытанием. Не многим детям знаменитостей удавалось вырваться из-под могучей тени родителей, предстать самим достойно и ярко. Алеша это удалось. И все же несомненная генетическая связь дарований. Талант глубинного погружения в человеческую психологию, объемной лепки характера, создания на экране атмосферы щемящей правды в полной мере был дан отцу и сыну, каждому в своем жанре. Пусть некоторые зашвыряют меня камнями, но я поставлю рядом два кинополотна — «Машенька» и «Мой друг – стукач».

Каким он был? Мы пять лет бок о бок просидели в институтских аудиториях, на переменах стояли рядом в очередях к буфетной стойке, маялись перед дверьми, за которыми шли экзамены. Но в то же время плохо знали друг друга. Мы были, как теперь выражаются, из разных тусовок. Он — типичный «золотой» мальчик. Мы, прочие — выходцы из московских коммуналок, экзотических провинций, медвежьих углов. Он представлялся нам избалованным, поверхностным. В дальнейшем то мнение, казалось бы, подтверждала его неувыдающая молоджавость. Мы, его однокурсники, подчинялись законам природы, старели. Его лба и губ не трогала ни одна морщина. Двигался легко, беззаботно, как в институтских коридорах. Только волосы красиво седели. Но и другое со студенческих лет мы знали о нем точно: он был добр. Он источал волны доброты. Это было легко ощутить в жестоком вгиковском мире. Я думаю, такое свойство личности позволило ему создать его особый кинематограф: исповедальный, берущий за душу. Доброта сделала его пронизательным и мудрым, стала его музой. Здесь и ответ на вопрос, почему люди так раскрывались перед его кинокамерой. Они раскрывались перед его добротой.

На этом шумном кинематографическом празднестве, где мы встретились в последний раз, он был печален. Несколько дней назад погибла в автокатастрофе актриса Майя Булгакова, с которой прежде Алешу связывали годы супружества.

— Ты знаешь, у нас есть дочь, — сказал он. — Ей уже тридцать лет. Я вдруг обратила внимание на то, что он совершенно седой.

Плох солдат, который не хочет стать генералом. Я полагаю, в глубине души Алеша мечтал создать фильмы, которые назовут классическими. Но не очень на это рассчитывал. Он не был самоуверенным и самодовольным. Смерть все ставит на свои места. Сейчас можно утверждать, что фильмы Алексея Габриловича вошли в классику отечественного документального кино, заняли достойное место в его истории.

И все же... Нас, детей войны, уносит сверхскоростной состав. Алеша успел сказать на земле слово, которое было услышано. Но не вызывает сомнений, что он только подходил к главному своему монологу. Подчиняясь трагической закономерности, определенной нашему поколению, он его унес с собой.

Наталья АСТАНИНА